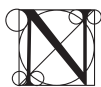

Misery

СТИВЕН
Stephen King
КИНГ

Мизери

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84 (7Coe)-44
К41

Серия «Кинг: книжная полка»

Stephen King
MISERY

Перевод с английского *А. Георгиева*

Художник *А. Фerez*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

Кинг, Стивен.

К41 Мизери: [роман] / Стивен Кинг; [перевод с английского
А. Георгиева]. — Москва: Издательство АСТ, 2021. — 368 с. —
(Кинг: книжная полка).

ISBN 978-5-17-137699-4

Писатель Пол Шелдон, прославившийся серией любовно-приключенческих романов, чудом выживает в автокатастрофе.

Вот только приходит он в сознание не в больнице, а в чужом доме, хозяйка которого немолодая одинокая медсестра Энни Уилкс. Именно она спасла его, вытащив из-под обломков и оказав первую помощь.

Однако очень скоро он понимает, что Энни далеко не та, кем кажется. Она — давняя поклонница книг Пола и вырвала его из лап смерти с целями, бесконечно далекими от гуманности и милосердия...

**УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84 (7Coe)-44**

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЭНИИ	13
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. МИЗЕРИ	121
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ПОЛ	252
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. БОГИНЯ	358

*Стефани и Джиму Леонардам —
они знают, за что. Да-да, знают.*

БОГИНЯ

АФРИКА

Мне хотелось бы с благодарностью упомянуть здесь имена трех медиков, которые очень помогли мне, предоставив для этой книги фактический материал. Спасибо:

Рассу Дорру, фельдшеру
Флоренс Дорр, медицинской сестре
Дженет Ордуэй, доктору медицины и психиатрии

Если читатель не заметит в книге промахов — это благодаря им. Если же он найдет в книге вопиющие ошибки, в них виноват я сам.

Разумеется, такого лекарства, как «новрил», не существует, но используются аналогичные препараты на кодеиновой основе; к сожалению, случается, что персонал больниц, аптек и других медицинских учреждений не содержит эти препараты под достаточно надежными замками.

Все места действия и действующие лица вымышлены.

С.К.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЭННИ

Когда ты заглядываешь в бездну, сама
бездна заглядывает в тебя.

Фридрих Ницше

1

*коричневый ухмнннн
йерннн коричневый ухмнннн
фэйунннн*

Вот такие звуки: даже в дымке.

2

Но иногда звуки — как и боль — отступали, и оставалась только дымка. Он помнил темноту: дымке предшествовала плотная темнота. Означает ли это, что состояние его улучшается? Он видит свет (пускай, сквозь дымку), а свет — это хорошо, и т.д. и т.п., так? А во тьме были эти звуки? Он не знал ответов на эти вопросы. Есть ли смысл спрашивать? И на этот вопрос он не знал ответа.

Боль помещалась глубже, под звуками. К востоку от солнца и к югу от его ушей. Вот и все, что ему *было* известно.

В течение какого-то времени, очень долгого, как ему казалось (и в *самом деле* долгого, так как существовали только

боль и дрожащая, как будто от ветра, дымка), внешняя вселенная состояла только из этих звуков. Он не знал, кто он и где находится, да и знать не хотел. Хорошо было бы умереть, но сквозь болевую дымку, окутавшую его сознание подобно летней грозовой туче, он не отдавал себе отчета, желает ли он смерти.

Время шло, и он усвоил, что боль периодически оставляет его. Когда он в самый первый раз вынырнул из непроглядной черноты, которая предшествовала дымке, к нему пришла мысль, не имевшая никакого отношения к его теперешнему положению. Мысль об обломке деревянного столба, торчавшем из песка на пляже Ревир-Бич. Когда он был маленьким, отец с матерью часто брали его с собой на Ревир-Бич, и он всякий раз настаивал, чтобы родители разложили плед так, чтобы можно было лежать на нем и смотреть на этот обломок, который казался мальчику клыком погребенного под песком чудовища. Ему нравилось сидеть и смотреть, как прилив наступает на берег и в конце концов накрывает деревяшку целиком. А потом, несколько часов спустя, когда уже съедены все сэндвичи и весь картофельный салат, когда в отцовском термосе не осталось ни капли и когда мама уже готова сказать, что пора собираться домой, обломанная верхушка полусгнившего дерева вновь показывалась над поверхностью воды. Сначала выглядывал только острый край, и его накрывало прибоем, потом дерево все больше и больше высывалось из воды. К тому времени, как его родители выбрасывали мусор в большую круглую урну с надписью СОБЛЮДАЙТЕ ЧИСТОТУ НА ПЛЯЖЕ, собирали игрушки Поли

(это меня зовут Поли я — Поли я сегодня обгорел и вечером ма смажет меня маслом «Джонсонз бэби» — пронеслась мысль в той темной грозовой туче, внутри которой он сейчас жил)

и складывали плед, деревянный столб, почерневший и скользкий, уже почти целиком торчал из воды, и на его боках там и сям белела пена. Отец пытался тогда объяснить, что это

прилив, но он-то всегда знал, что это столб. Прилив приходит и уходит, а столб остается. Просто иногда его не видно. Без столба прилива *не бывает*.

Воспоминание ползало по кругу, как сонная муха, и сводило его с ума. Он принялся было отыскивать в нем смысл, но тут вмешались звуки.

фэйунннн

кrrrrасное все кrrrrасннное

коричневый ухмнннн

Время от времени звуки прекращались. Время от времени прекращался *он*.

Первое его явственное воспоминание о *нынешнем* времени, о времени, проведенном в грозовой туче, было воспоминанием о прекращении, о мгновениях, когда он сознавал, что не может сделать вдох, и в этом нет ничего страшного, так и должно быть, так и полагается, собственно говоря; он только рад выйти из игры.

А потом над ним возник чей-то рот, несомненно, женский, хотя губы были жесткие, сухие, и этот рот принялся дуть в его рот, накачивая воздух ему в легкие, и когда эти чужие губы отодвинулись, он впервые почувствовал запах своей тюремщицы, почувствовал запах ее дыхания, запах воздуха, который она вдыхала в него против его воли; с такой вот силой мужчина проникает в женщину, которая не желает соития. Этот запах сложился из жуткой смеси ароматов ванильного печенья, мороженого в шоколаде, жареного цыпленка и арахисового масла.

Ее голос заорал над его ухом:

— Дыши, черт побери! *Дыши*, Пол!

И те губы опять сомкнулись с его губами. В его горло снова потекла струя воздуха. Влажная струя, такая несется вслед за мчащимся поездом и тащит за собой обрывки газет и конфетные обертки; потом губы отпрянули, и он подумал: *Господи, не надо больше, мой нос не выдержит*, но он ничего не мог поделать, и некуда было деваться от этого *смрада*, *смрада*, *от этого проклятого СМРАДА*.

— *Дыши, черт тебя подери!* — кричал невидимый голос, и он думал: *Хорошо, я буду дышать, все, что угодно, пожа-луйста, только не делай этого больше, не заражай меня,* и он даже *попытался* вдохнуть, но не успел, потому что ее губы, сухие и холодные, как кусок подсоленной кожи, опять соединились с его губами и выдыхаемый ею воздух снова на-полнил его.

Когда она в очередной раз убрала губы, он не просто *вы-пустил* воздух из легких, а *вытолкнул* его и тут же самостоя-тельно сделал глубокий вдох. Выдохнул. И замер в ожидании, что его грудь (он пока не мог ее видеть) поднимется сама, как поднималась всю жизнь безо всяких усилий с его стороны. Но грудь не поднялась, и тогда он снова набрал в легкие воз-духа и задышал сам, как можно чаще, чтобы ее запах выве-трился поскорее из его тела.

Никогда прежде обыкновенный воздух не казался ему та-ким чудесным.

Он опять стал проваливаться в туман, но пока окружаю-щий мир окончательно не скрылся во мгле, услышал, как ка-кая-то женщина сказала:

— Ух! А ведь совсем близко был.

Не так уж и близко, подумал он и уснул.

Ему снился обломок деревянного столба, настолько нас-тоящий, что он, пожалуй, смог бы дотянуться до него и прикоснуться ладонью к зеленовато-черному шершавому боку.

Снова возвратившись в прежнее состояние полусознания, он сумел обнаружить связь между обломком столба и своим нынешним положением — боль тоже наплывала на него. Впрочем, его боль похожа не на морской прилив. Он извлек урок из сновидения, которое на самом деле было воспоми-нанием. Ему только *казалось*, что боль накатывает и уходит. Боль похожа на тот столб, который всегда на месте, его лишь не видно время от времени. Когда боль не погружала его со-знание в каменно-серое облако, он молча благодарил ее, но теперь его уже нельзя обмануть: она все еще здесь и скоро

покажется. И столбов теперь *два* вместо *одного*; боль — это два столба, и какая-то частица его разума давно знала тот факт, который лишь много позже стал достоянием основной части сознания: два поломанных столба — это две его искалеченные ноги.

Лишь спустя долгое время ему удалось освободиться от засохшей на губах чужой слюны и прохрипеть:

— Где я?

У его кровати сидела женщина с книжкой в руках. На обложке стояло имя автора — Пол Шелдон. Ему удалось вспомнить, что это имя — его собственное, и он не удивился такому открытию.

Когда он наконец выговорил свой вопрос, женщина ответила:

— Сайдвиндер, штат Колорадо. — И добавила: — Меня зовут Энни Уилкс. Я...

— Знаю, — перебил он. — Вы — моя самая большая поклонница.

— Да, — подтвердила она, улыбаясь. — Именно так.

3

Темнота. За ней — боль и туман. А потом — осознание того, что боль хотя и не прекращается, зато время от времени как будто нехотя идет на перемирие и прячется, и тогда наступает облегчение. Первое истинное воспоминание: поддержка, а затем — насильственное возвращение в жизнь при посредстве пакостного женского дыхания.

И следующее подлинное воспоминание: ее пальцы время от времени проталкивают ему в рот что-то вроде капсул контакта, а воды не дают, и капсулы эти тают во рту; они очень горькие, вкус их отдаленно напоминает вкус аспирина. Хорошо было бы эту горечь выплюнуть, но он понимал, что все же не стоит этого делать. Потому что горькие капсулы и были тем приливом, который заливал черный столб

(нет СТОЛБЫ их ДВА ладно их два хорошо теперь ты помолчишь ш-ш-ш)

и вроде бы заставлял его исчезнуть на время.

Боль теперь не прекращалась, а как бы стачивалась через большие промежутки времени (так же, должно быть, постепенно стачивался и тот столб на пляже Ревир-Бич, ибо ничто на Земле не вечно, хотя маленький мальчик, каким он тогда был, наверняка посмеялся бы над столь дикой мыслью), и окружающие предметы стали быстро приобретать привычный облик, и наконец весь внешний мир, а также собственные воспоминания, опыт, предрассудки снова заняли свое место в его сознании. Его зовут Пол Шелдон, он писатель, пишет романы двух сортов: хорошие романы и бестселлеры. Он дважды был женат и дважды разводился. Он слишком много курит (точнее, курил до последних событий, в чем бы эти «последние события» ни заключались). С ним случилось что-то очень плохое, но он все-таки жив. И это темное облако тает. Еще не скоро его самая большая поклонница принесет ему старую механическую пишущую машинку «Ройал», которая, как ему покажется, ухмылнется и заговорит с ним голосом Дакки Дэддлса. Но задолго до этого Пол поймет, что чертовски влип.

4

Какая-то часть его мозга, способная к предвидению, позволила ему разглядеть ее еще до того, как он ее увидел, и где-то в подсознании он понял ее раньше, чем стал понимать разумом, — иначе с чего бы у него возникли такие жуткие, даже зловещие ассоциации? Когда она входила в комнату, перед ним тут же возникали образы африканских языческих идолов, описанных в романах Генри Райдера Хаггарда*, он думал о каменных гробницах, о неумолимом роке.

* Хаггард, Генри Райдер (1856–1925) — английский писатель. Действие многих его романов происходит в экзотических странах. — *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. пер.*

Нелепо было уподоблять Энни Уилкс языческой богине из романов «Она» и «Копи царя Соломона», но в то же время сравнение почему-то представлялось уместным. В фигуре этой крупной женщины, казалось, не было ни единой плавной линии — ни округлостей бедер, ни очертаний ягодич, ни даже икр ниже ее вечных шерстяных юбок, которые она неизменно носила в помещении (а прежде чем выйти на улицу, уходила в свою невидимую спальню и там натягивала джинсы). Обширное, но скудное тело. При взгляде на нее невольно приходили в голову мысли об узелках и шишках, а не о соблазнительных пространствах женской плоти.

Его *раздражало*, что она представлялась ему *твердой*, словно в ней не было кровеносных сосудов, а может быть, и внутренних органов; она казалась ему цельной, как бы высеченной из единой глыбы фигурой по имени Энни Уилкс. В нем постепенно крепла уверенность, что ее глаза нарисованы и не движутся вовсе, как глаза портрета, которые словно наблюдают за тобой, в какой бы точке комнаты ты ни находился. Ему приходила в голову мысль, что, если он выставит два пальца рогаткой и ткнет ими в ее ноздри, пальцы его пройдут внутрь разве что на одну восьмую дюйма, а потом соприкоснутся с твердым (ну, чуть-чуть упругим) препятствием; даже ее серый шерстяной джемпер и старушечьи юбки составляли одно целое с твердым, жилистым телом. Потому и неудивительно, что она казалась ему похожей на языческого идола из приключенческого романа. Как идол она внушала только одно: смущение, постепенно переходящее в ужас. При виде идола все прочие чувства пропадают.

Впрочем, постойте, не совсем так. Он *получал* от нее кое-что еще. Таблетки, помогавшие волне захлестнуть те столбы.

Таблетки — это волна; Энни Уилкс — луна, чьи передвижения вызывают прилив. Она приносит ему по две капсулы каждые шесть часов. Сначала он ощущал лишь, как два пальца проталкивают капсулы ему в рот (и очень скоро понял, что лучше охотно глотать то, что ему дают эти пальцы, несмотря на горький вкус во рту), потом научился воспринимать ее

джерпер и каждую из полудюжины юбок; он заметил, что под мышкой у нее, как правило, бывал зажат один из его романов в мягкой обложке. По ночам она являлась в розовом пушистом халате — и лицо ее блестело от крема (ему ни разу не приходилось видеть баночку, но он мог бы с легкостью назвать основной ингредиент этого крема: резкий запах ланолина был очень красноречив), — расталкивала его, выдергивала из мутной, отягощенной сновидениями дремоты и протягивала на ладони таблетки, а из-за ее массивного плеча в окно заглядывала безногая луна.

Спустя некоторое время — когда тревога приобрела такие масштабы, что стало невозможно не обращать на нее внимания, — он сумел узнать, чем она его кормит. Обезболивающее на кодеиновой основе. Называется — новрил. Подкладывать ему судно чаще, чем раз в шесть часов, не имело смысла не только потому, что его рацион состоял исключительно из жидких и желеобразных продуктов (ранее, когда он существовал внутри черного облака, его питание осуществлялось при помощи внутривенных инъекций), но и из-за того же новрила: запор был побочным эффектом этого лекарства. Имелся и другой, более серьезный побочный эффект: препарат мог вызвать у особо чувствительных больных затрудненное дыхание. Пол не относился к числу особо чувствительных больных, но он очень много курил на протяжении почти восемнадцати лет, и по крайней мере один раз его дыхание *остановилось*; возможно, были и еще случаи, которых он, пребывая в густом мареве, не запомнил. А в тот раз ей пришлось делать ему искусственное дыхание рот в рот. Возможно, в тот раз просто проявился побочный эффект, но сам он впоследствии стал подозревать, что она дала ему лишнюю дозу. Она думала, будто всегда знает, что делает, но это не всегда соответствовало истине. И в этом заключалась одна из причин, по которым он боялся Энни.

Приблизительно через десять дней после исчезновения темного облака он обнаружил (почти одновременно) три обстоятельства. Первое: у Энни Уилкс имеется большой запас